

УДК 141.131

В.В. ПРОКОПЕНКО

АКАДЕМИЯ ПЛАТОНА: ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПАЙДЕИИ

Прокопенко Владимир Владимирович – доцент кафедры гуманитарных дисциплин, юридической журналистики и языковой подготовки Харьковского национального университета внутренних дел

Статья посвящена изучению вопроса об организации обучения в философской школе Платона. Автор утверждает, что педагогическая программа Академии – это ключ к пониманию платоновских диалогов. Основной формой преподавания в Академии были упражнения и дискуссии, а тексты платоновского корпуса представляют собой программы или сценарии этих упражнений.

Ключевые слова: Академия, пайдейя, диалог, устное, письменное.

The article studies the issue of training in the philosophical school of Plato. The author argues that the educational program of the Academy – is the key to the understanding of Plato's dialogues. The main form of teaching at the Academy were the exercises and discussions, and the Plato's texts are programs or scripts of these exercises.

Key words: Academy, Paideia, dialogue, oral, written.

© В.В. Прокопенко, 2012

Постановка проблемы. В нашей статье мы предпринимает исследование проблемы организации обучения в платоновской Академии. Постановка этой проблемы предопределена необходимостью более глубокого понимания философии Платона. По нашему мнению, истинный смысл платоновских диалогов может быть понят только в контексте его педагогической деятельности, которая стала интегральным элементом, соединившим метафизический и политический аспекты философии Платона. По словам И.Н. Мочаловой, «самое значимое событие в жизни Платона – создание школы; все, что он будет писать и делать позднее, так или иначе связано с Академией и может быть адекватно понято в контексте жизни школы: в контексте взаимоотношений Платона как схолаха с учениками, с лидерами других школ, с современной ему политической, экономической и культурной элитой» [7].

Анализ последних исследований и публикаций. Обзор основных работ в этой области позволяет констатировать, что вопросы, связанные с исследованиями истории, структуры, форм организации, правового и имущественного статуса Академии всегда занимали исследователей платоновской биографии и творчества. Среди классических исследований этих проблем выделяются работы классиков антиковедения У.Вилламовиц-Меллендорфа [2], К.Фримена [16] и Г.Чернисса [13]. В последние десятилетия вышли основательные и во многом новаторские работы Дж.Диллона [3; 4], Дж.Линча [21] и А.Хруста [14]. Из исследований на русском языке можно назвать работы И.Р. Блохиной [1], И.Н. Мочаловой [8] и Ю.А. Шичалина [11]. Однако, как вынужден констатировать Дж.Диллон, «как бы там ни было, остается нерешенной загадка, точнее, целая серия загадок, связанных с при-

родой и структурой Академии, основанной Платоном и унаследованной его преемниками» [3, с. 11].

Цель исследования. В нашей статье мы ставим перед собой следующие цели: рассмотреть вопросы, связанные со структурой и статусом платоновской Академии; проанализировать источники, сообщающие о процессе обучения в Академии с тем, чтобы определить специфику академического преподавания; исследовать вопрос о происхождении, роли и назначении текстов платоновского корпуса; определить соотношение устного и письменного компонента в педагогической деятельности Платона.

Изложение основного материала исследования. Чрезвычайное значение для понимания платоновской воспитательной программы имеет вопрос об организации обучения в Академии. К сожалению, у нас крайне мало прямых сведений о том, как именно проходили занятия с учениками. Наиболее известное из них принадлежит поэту Эпикрату, который рассказывает о том, как Платон, Спевсипп и Мнемозин, сопровождаемые группой молодых людей, упражнялись в разделении на категории образов жизни животных, природы деревьев и типов овощей (например, тыквы) [15, с. 686 – 689], т.е., осуществляли коллективное упражнение в диэрезе (διαίρεσις). Причем проходило это упражнение публично, в специальном месте для упражнений (γυμνασίος Акадеμείας) в пределах Академии. Это сообщение очень важно, несмотря на то, что оно изложено в комическом тоне, поскольку свидетельствует о том, что преподавание в Академии носило характер коллективных упражнений и дискуссий, в которых роль Платона была совсем не сходна с ролью лектора в современном университете.

Никто сегодня не станет спорить со словами У.Гатри: «Академия Платона не соответствует пол-

ностью ни одному из современных институтов, и уж, в точности, – новым университетам» [19, с. 19], но все же часто можно встретить утверждения о том, что в Академии Платон будто бы обязательно должен был излагать ученикам некое системное и законченное учение. И если мы его не находим в диалогах, то значит оно было тайным и носило устный характер. В свое время Кремер, Гайзер и другие сторонники тьюбингенского эзотеризма потратили немало сил на обоснование доктрины неписаного учения ссылками на те места в диалогах Платона, где он выступает противником письма. Напомним наиболее известные из них: фрагменты в «Федре» [Phaedr 274.d – 276.a] и в Седьмом письме [Ep., 341.c – 342.a], где Платон говорит о том, что никто не увидит его учения в записанном виде: «У меня самого по этим вопросам нет никакой записи и никогда не будет» [Ep., 341.c].

Для объяснения того, как же передавалось учение в Академии, существует очень удобная версия о тайных лекциях Платона, которые, якобы, читались узкому кругу учеников в Академии. Справедливости ради следует сказать, что тьюбингенские авторы не несут ответственности за эту гипотезу: К.Гайзер в специальном исследовании говорит о внутриакадемических дискуссиях [17, с. 5 – 23], лекция же «О Благе», скорее всего, была только одна, публичная, о которой рассказывается во второй книге «Гармоник» Аристоксена. Между тем, у некоторых современных авторов можно встретить такие утверждения: «Общеизвестно, что в своей философской и академической деятельности Платон использует два вида диалогов: письменный и устный. Кроме того, в Академии он читает лекции для ближайших учеников «О Благе» [10, с. 48]. Однако эти утверждения, как и многое другое из «общеизвестного», ни одним из древних источников не подтверждаются.

Мы не принимаем версию о неких тайных внутриакадемических лекциях еще и потому, что Аристоксен и Аристотель, на которого Аристоксен ссылается, говорят «О Благе» как о нерадовом, может быть, уникальном событии, чего не было бы, если бы в Академии такие лекции читались регулярно. Это замечает и К.Гайзер [17, с. 8]. Но мы думаем, что уникальность события состоит не просто в его публичном характере, а в использовании самой формы лекции (*ἀκρόασις*), которая была выбрана, вероятно, именно из-за неподготовленности широкой публики. От внеакадемической аудитории нельзя было ждать правильно поставленных вопросов и подготовленности к осмыслению полученных ответов, а только внимания и порядка, неслучайно одно из значений слова *ἀκρόασις* – послушание, повиновение [2, с. 45]. Живой разговор с людьми, не прошедшими школу исследовательского самостоятельного мышления, не мог быть успешным, что и произошло в действительности.

Все имеющиеся сведения о системе обучения в Академии, противоречия в ее оценках и интерпретациях, примиряются и сводятся в единую внятную картину, если мы примем тезис о том, что обучение в Академии носило характер дискуссий, обсуждений и упражнений под руководством пре-

подавателя. Естественно, что такое преподавание происходило в устной форме и не предполагало четко фиксированных истин, к которым ведет единственный путь, указанный учителем. Поэтому каждый раз дискуссия или упражнение проходят по-разному и приводят к различным конкретным результатам. Собственные взгляды учителя при таком способе обучения не являются абсолютной догмой и критерием оценки появляющихся в процессе обучения мнений и идей, а его функции в образовательном процессе такого типа сводятся к модерированию, наблюдению за ходом обсуждения и контролем над общей стратегией дискуссии.

В том, что образовательный процесс в Академии должен был быть организован именно таким образом, нас убеждают не только свидетельства современников, но и, главным образом, слова самого Платона: когда он обличает письменную речь, то он дает описание, поразительно точно указывающее на недостатки догматического, риторического и софистического образования: «В этом, Федр, дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их – они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят, как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не подобает его читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно ни защититься, ни себе помочь» [Phaedr 275.e]. Письмо предполагает однозначность излагаемого, оно не способно реагировать на непонимание и не в силах учитывать различия типов души, у людей, к которым оно обращается. Истинная пайдейя выглядит иначе, и не только в связи с устным характером исполнения, но и по воплощенным принципам этого исполнения. Платон предлагает модель «истинной речи»: «Это то сочинение, которое по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося; оно способно себя защитить и при этом умеет говорить, с кем следует умеет и промолчать» [Phaedr 276.a]. Далее Платон говорит о диалектике как искусстве насаждения способностей, в отличие от передачи готовых застывших знаний: «Еще лучше, по-моему, станут такие занятия, если пользоваться искусством диалектики: взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, способные помочь и самим себе, и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек» [Phaedr 277.a]. Еще одна важная ссылка на слова Платона, которые подтверждают гипотезу о живом и дискуссионном обучении философов: «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки – имени определением, видимых образов – ощущениями, да к тому же, если это совершается

в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просить разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека. Поэтому ни один серьезный человек никогда не станет писать относительно серьезных вещей и не выпустит это в свет на зависть невежд» [Ер., 344.b – c].

Из вышесказанного ясно, что, в соответствии с такими взглядами Платона на соотношение устного и письменного слова, в Академии вряд ли применялась практика чтения текстов, их запоминания и последующего воспроизведения, ставшая впоследствии основой европейской школы на протяжении большей части ее будущей истории. Но тогда возникает вопрос о способах использования текстов в процессе обучения, их роли и значения в воспитании философов. Этот вопрос влечет за собой еще один – об историческом происхождении *Corpus Platonicum*. Этот вопрос давно уже является предметом самых тщательных исследований: библиография платоновской текстологической традиции на основных европейских языках, составленная известным исследователем и переводчиком Платона Марком Джойелом, насчитывает более пятисот названий [20], но до сих пор вопрос о той исторической точке, в которой появляются тексты, собранные в платоновском корпусе, остается без окончательного ответа.

Дело в том, что в нашем распоряжении не просто нет текстов, написанных рукой Платона, у нас нет прижизненных записей или изданий Платона – у нас нет достоверных сведений или хотя бы кратких упоминаний о самом факте и обстоятельствах появления текстов Платона. Самое раннее собрание диалогов (первые шесть тетралогий) Платона, имеющееся в нашем распоряжении, так называемый «папирус Кларка», обнаруженный в 1382 году и находящийся с 1801 года в библиотеке Оксфордского университета, был записан в Константинополе Иоанном-каллиграфом около 895 г. н.э., а самые ранние, очень небольшие, фрагменты диалогов найдены в Оксирихских папирусах II и III века н.э. («Лакет» и «Федон»: [24, с. 123; 126]). Все остальные свидетельства о существовании письменных текстов Платона являются косвенными, часто – вдвойне косвенными (упоминание об упоминании). Самое раннее из упоминаний о текстах Платона связывается с именем некоего Гермодора Сицилийского, который, якобы, торговал сочинениями Платона, вывозя их в Сицилию. Исходя из времени жизни Гермодора, это событие могло иметь место еще при жизни Платона, может быть, вскоре после его смерти. Но этот факт нам сообщают поздние источники – Цицерон, Филодем и византийский лексикон Суда, что сильно снижает ценность этих сообщений, как и вероятность этого события именно в такой трактовке, так что многие исследователи сомневаются в его истинности, как, например, Джон Диллон: «Во-первых, это сообщение указывает на существование чего-то подобного на собрание диалогов Платона, возможно, составленное в Академии после смерти Платона, о котором других

свидетельств до нас не дошло. Во-вторых, почему торговля произведениями Платона за границей считалась столь постыдным делом? Однако ко времени Цицерона этот поступок стал почти привычкой во языцех и приобрел пифагорейские оттенки, как будто публиковать произведения Платона было постыдно в принципе и следовало их вместо этого хранить в тайне в школе» К тому же само выражение, которое используется для описания поступка Гермодора, позволяет различное толкование: «Высказывание звучало, видимо, так: *logoisin Hermodōros emporouetai*, что можно понять как «Гермодор путешествует в *logoi*», т. е. превратился в купца, который низвел философию до торгашества <...> у Цицерона ссылка на Гермодора возникает в полушутливом контексте» [3, с. 227].

Историко-филологические исследования платоновской письменной традиции, широко развернувшиеся в XIX веке, породили целый ряд версий происхождения платоновского корпуса: отталкиваясь от того факта, что Аристофан Византийский, составитель платоновского канона, возглавлял Александрийскую библиотеку, Дж. Грот и У. Вилламовиц предположили, что тексты платоновских диалогов находились в собрании библиотеки. Грот, пойдя еще дальше, утверждал, что по своему происхождению эти тексты были прямо из библиотеки Академии, откуда их переправили в Александрию Деметрием Фалерским [18, с. 152]. Несмотря на многочисленные возражения, которые эта версия вызвала у Э. Целлера и Т. Гомперца, она разделялась многими исследователями еще и в конце XX века (см. например, статью Дж. Филиппа в канадском журнале «Феникс», в которой он выдвигает тезис о том, что более или менее канонический академический текст, датированный IV веком, был прародителем того текста, который хранился в Александрийской библиотеке [22, с. 306]). К сожалению, эта версия, как и многие ей подобные, не может быть ни доказанной, ни опровергнутой без соответствующих открытий новых исторических свидетельств и источников, поэтому и сторонники непрерывной, от Платона до Византии, письменной традиции неоплатонизма и противники этой версии опираются, прежде всего, на субъективную веру и собственные усилия в заполнении исторических лакун.

Так, у английских классиков платоноведения Дж. Бернета и А. Тэйлора мы встречаем утверждение о том, что при преподавании в Академии Платон не пользовался никакими записями [12, с. 222; 23, с. 503]. Правда, они не указывают на источники и основания своих предположений, что позволяет Г. Чернису отнестись к ним с язвительной иронией [13, с. 2]. Впрочем, как мы видим, нет и серьезных аргументов против таких предположений, так что Дж. Реале и Д. Антисери развивают эту версию далее: «Однако ученики, ассистировавшие Платону в его лекциях, кое-что все же записывали и, таким образом, до нас эти записи дошли. Платон порицал их, более того, осуждал, считая их вредными и бесполезными, впрочем, признавал, что некоторые из его учеников неплохо поняли его лекции» [9, с. 99].

Мы думаем, что, скорее всего, тексты Платона в виде книг, привычном для античности, – как собрание свитков, набело переписанных (что делает их пригодными для чтения вслух рабом – обычная практика, засвидетельствованная Платоном, к примеру, в «Теэтете» [Theaet. 143.c], подготовленных для продажи в книжной лавке, закрытых для исправлений и дополнений, появились в Академии позднее, после смерти Платона. Обратим внимание на одно обстоятельство: в завещании Платона, приводимом Диогеном Лаэртием [5, с.148], подробно перечислено все имущество Платона и указаны обязательства по распоряжению им, вплоть до взискания трех мин с Евклида-каменотеса, но ничего не сказано о книгах, что довольно странно, учитывая ту высокую цену, которую тогда библиофилы (по легенде, сам Платон был в их числе) платили за книги. Из этого мы можем сделать два предположения: либо никаких книг Платона не существовало на момент его смерти, либо статус и состояние этих текстов выводили их за пределы господствовавшего в кругу Платона представления об индивидуальном имуществе. Мы склоняемся ко второй версии и думаем, что в ее пользу говорит то соображение, что существенным фактором, скреплявшим Академию, была тщательно культивируемая «совместность» (συνουσία). В отношении текстов, составляющих письменное наследие Платона, эту идею совместности следует, наверное, также принять во внимание. С высокой степенью вероятности можно предположить, что в Академии эти тексты не воспринимались в соответствии с современными представлениями об интеллектуальной собственности, они считались собственностью Академии и были открыты для переписываний, дополнений и исправлений уже при жизни Платона. То есть, по нашему мнению, тексты, которые впоследствии оформились в корпус сочинений Платона, как таковые, существовали, и авторство их принадлежит, действительно, Платону и (или) некоторым его ученикам, но изначально они существовали в принципиально незавершенном виде. Следует также заметить, что отношение к письменному тексту, как принципиально незавершенному и несовершенному, конечно, очень характерно для Платона и академической практики преподавания, о чем свидетельствуют приведенные выше слова Платона. Но еще более сильный аргумент состоит в том, что это его отношение было совершенно естественным в ситуации платоновской эпохи, которую многие (А.Хэйвлок, К.Робб и др.) определяют, как время перехода от устного слова к слову письменному. Именно в это время складывается ситуация, когда письменное и устное слово становятся взаимодополняющими элементами в процессе чтения. Как замечает Й.Свенбро, «исследуя глаголы со значением «читать», мы выявили, по меньшей мере, три характерные особенности процесса чтения в Древней Греции, важность которых следует подчеркнуть особо. Во-первых, читатель и его голос являются в эту эпоху инструментом на службе у текста, что следует из анализа глагола *némein* и его производных. Во-вторых, следует отметить, что письменную речь можно считать не-

завершенной по природе своей, она требует обязательного озвучивания, о чем свидетельствует глагол *epilégesthai*. Третья особенность логически вытекает из двух первых, потому что если скороговорка читателя – всего лишь инструмент, благодаря которому написанное реализуется во всей своей полноте, то адресаты написанного, строго говоря, – не читатели, а слушатели, как греки, собственно, себя и именовали. <...> Если правда то, что для достижения полноты текст должен быть озвучен, то из этого логически следует, что процесс чтения – необходимая часть текста» [6, с. 63]. Выводы, к которым пришел Свенбро, сделаны им исключительно на филологическом материале, но они совершенно точно подтверждают нашу гипотезу о статусе письменных текстов Платона в Академии и предложенный нами прагматический подход к их прочтению.

Еще один вопрос, который традиционно разделяет исследователей платоновской пайдеи – это вопрос о том, соответствовало ли обучение в Академии той программе воспитания стражей, которую Платон представил в «Государстве»? Вопреки мнению большинства, принимающего тезис о соответствии, Г.Чернисс решительно разделяет образовательные идеи «Государства» и практику Академии. Соответствующие аргументы мы находим в его «Загадке Древней Академии» [13, с. 66 – 81]. Особенное внимание Чернисс уделяет тому факту, что математическое образование, которое у Платона в «Государстве» рассматривается как важнейшая подготовительная часть воспитания философов, не только не практиковалось в Академии в полном объеме, но и в какой-то своей части (математическая астрономия и стереометрия) было вовсе неосуществимым, поскольку эти науки еще не были открыты. Второй аргумент, который Чернисс приводит, состоит в том, что по плану, изложенному в «Государстве», обучение диалектике должно было начинаться в возрасте тридцати лет, причем возраст был важнее, чем предварительно полученная подготовка: Платон предупреждает, что занятия философией чрезмерно молодыми людьми не приводят к хорошим результатам. Однако в реальной Академии такого ограничения никогда не было. Затем Чернисс обращает внимание на то, что главным, по его мнению, содержанием диалектического периода обучения должно было быть усвоение теории идей, но мы нигде не находим у Платона этого учения в форме, пригодной для преподавания. Мы, говорит Чернисс, можем усомниться в самом факте преподавания Платона в Академии (см. [13, с. 70 – 71]).

И, наконец, Чернисс задается вопросом о том, как, к примеру, могли изучать в Академии физическое учение Платона, если последнее появляется только в «Тимее», диалоге написанном очень поздно. Кстати, то же самое относится и к «Государству»: если верно общепринятое мнение о том, что над ним Платон работал с юности и до глубокой старости, то, значит, в течение долгого времени Академия работала в условиях отсутствия пока еще не написанного плана.

По этому поводу мы должны сказать, что кри-

тика Чернисса еще более убеждает нас в том, что философская пайдейя Платона не представляла собой простой процесс передачи знаний, в ней на первом плане находилась организация майевтических усилий со стороны как ученика, так и учителя. Дискуссии и упражнения были основной формой организации занятий, а главную задачу и цель философской пайдейи следует искать не в теории, области чистого умозрения, а в сфере политики.

Выводы. Подводя итоги, мы должны отметить, что проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: исторические источники о Древней Академии свидетельствуют, что препода-

вание в Академии было организовано в форме коллективных упражнений и дискуссий при отсутствии лекций-изложений (кроме одной публичной лекции «О Благости»); тексты платоновских диалогов играли в процессе обучения вспомогательную роль сценария или партитуры; отношение Платона к письму также подтверждает предположение о том, что преподавание в Академии носило преимущественно устный характер.

Мы полагаем, что более ясное понимание характера и сути платоновской педагогической деятельности создает предпосылки и для лучшего понимания самой платоновской философии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Блохина И.Р. Академия Платона как школа государственных деятелей / И.Р. Блохина // Жебелевские чтения-3. Тезисы докладов научной конференции 29–31 октября 2001 года. – СПб., 2001: Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – 258 с.
2. Греческо-русский словарь / [состав. А.Д. Вейсман]. – С.-Петербург: Издание автора, 1899. – 1370 с.
3. Диллон Дж. Наследники Платона./Дж. Диллон; [Пер. с англ. Е.В.Афонасина]. – СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2005. – 280с.
4. Диллон Дж. Средние платоники./Дж. Диллон; [Пер. с англ. Е.В.Афонасина]. – СПб: Алетейя, 2002. – 447с.
5. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Диоген Лаэртский; [Ред. тома и авт. вступ. статьи А.Ф.Лосев; Перевод М.Л. Гаспарова]. – М.: Мысль, 1986. – 571 с.
6. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / [Ред.-сост. Г.Кавалло, Р.Шартье; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н.Зубкова, Т.А. Недашковской]. – М.: «Издательство ФАИР», 2008. – 544 с.
7. Мочалова И.Н. «Тимей» в интеллектуальном пространстве ранней Академии (тезисы доклада) [Электронный ресурс]. / И.Н.Мочалова. – Режим доступа: <http://vk.com/club33887505>
8. Мочалова И.Н. Метафизика Ранней Академии и проблемы творческого наследия Платона и Аристотеля / И.Н. Мочалова // АК-АДЕМΕΙΑ. Материалы и исследования по истории платонизма. Межвузовский сборник. [Под ред. д-ра филос. наук Р.В. Светлова и канд. филос. наук А.В. Цыба]. – 2000. – Выпуск 3. – С. 226 – 264.
9. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: Т. I – IV / Дж.Реале, Д.Антисери. – СПб.: Петрополис, 1994 – 1997. – Т. I. – 1994 – 336 с.
10. Романенко И. Б. Платоновская образовательная парадигма и Академия / И.Б. Романенко // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2002. – № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право): Научный журнал – СПб. – С. 45 – 58.
11. Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте / Ю.А. Шичалин. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2000. – 439 с.
12. Burnet J. Greek Philosophy. Thales to Plato / John Burnet. – London: Macmillan and Co. Ltd, 1950. – 377 p.
13. Cherniss H. The Riddle of the Early Academy / H. Cherniss. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1945. – 104p.
14. Chroust A. Plato's Academy: The First Organized School of Political Science in Antiquity / Anton-Hermann Chroust // The Review of Politics. – 1967 – Vol.29, No.1. – P. 25 – 40.
15. Fragmenta comicorum Graecorum / [Edr. A.Meineke]. – Vol. 1 – 3. – Berlin: De Gruyter, 1970. – Vol. 3 – 1970. – 739 p.
16. Freeman K. Schools of Hellas. An Essay on the Practice and Theory of Ancient Greek Education from 600 to 300 B.C. / Kenneth J. Freeman. – London: MacMillan and Co., 1932. – 362 p.
17. Gaiser K. Plato's Enigmatic Lecture «On the Good» / K. Gaiser // Phronesis. – 1980. – Vol. 25, No. 1 – P.5 – 37.
18. Grote G. Plato and Others Companion of Socrates: In 4 Volumes / G. Grote. – London: John Murray, 1867 – 1889.
19. Guthrie W. Plato. The Man and His Dialogues / W.K.C. Guthrie // A History of Greek Philosophy. – Vol. I–VI. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. IV. – 1975. – 603 p.
20. Joyal M. The Platonic Textual Tradition: a Bibliography. [Электронный ресурс] / M. Joyal. – Режим доступа: http://umanitoba.ca/faculties/arts/departments/classics/media/Platonic_Text_Tradition.pdf
21. Lynch J.P. Aristotle's School: A Study of a Greek Educational Institution. / John P. Lynch. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1972. – 247 p.
22. Philip J.A. The Platonic Corpus / J.A. Philip // Phoenix. – 1970. – Vol. 24, No. 4. – P. 296 – 308.
23. Taylor A.E. Plato. The Man and His Work / A.E. Taylor. – London: Methuen & Co LTD., 1926. – 588 p.
24. The Oxhyrhynchus Papyri: Vol. I – XV / [Edited and translate with notes by B.P. Grenfell and A.S. Hunt]. – London: Egypt Exploration Fund, 1898 – 1922. – Vol.II – 1899. – 358 p.
25. Wilamowitz-Moellendorff U. Platon: Bd.I – II / U.Von Wilamowitz-Moellendorff – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1920. – Erster Band – 767 s.